

А.В. Чудинов
ИВИ РАН

О путешествии Жильбера Ромма в «Сибирь» (1781 г.): гипотезы и факты*

Бурная биография Жильбера Ромма (1750–1795), видного деятеля Французской революции XVIII в., изучалась десятками историков из разных стран. Разумеется, в центре их внимания находился преимущественно ее революционный этап, когда Ромм в качестве депутата Конвента принял участие в разработке нового, республиканского календаря, голосовал за казнь короля, осуществлял политические миссии в департаментах и, наконец, завершил свой земной путь в числе шести «мучеников прериала». Впрочем, немалый интерес у исследователей вызывал и предшествовавший революции период жизни Ромма, когда тот, служа воспитателем юного графа Павла Александровича Строганова (1772–1917), в дальнейшем крупного государственного и военного деятеля России, совершал со своим подопечным дальние путешествия по России и Западной Европе¹. Однако далеко не все эпизоды их странствий получили достаточное освещение в научной литературе. Если о поездках в Финляндию (1783), к Белому морю (1784) и в Крым (1786) можно получить детальное представление по путевым дневникам Ромма, опубликованным либо на языке оригинала — французском², либо в русском переводе³, то первое, самое продолжительное путешествие Ромма по России, когда он со своим подопечным сопровождал в 1781 г. графа Александра Сергеевича Строганова в поездке на восток, во многом остается загадочной страницей его жизни. Из всех путешествий будущего революционера с этим в исторической литературе связано больше всего разнообразных гипотез и толкований.

Отчасти это обусловлено тем, что Ромма не оставил столь же цельного и подробного описания своей первой поездки, как всех последующих. Впрочем, при отсутствии подобного, единого путевого дневника, в распоряжении исследователей имеется все же ряд источников, относящихся к отдельным этапам данного путешествия. Это, во-первых, письмо Ромма своему другу, директору почты города Риома — Габриэлю Дюбрелю, ошибочно датированное автором числами старого и нового стилей как 8/18 декабря⁴ 1781 г., а во-вторых — путе-

Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, главный редактор «Французского ежегодника».

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, номер гранта 06-01-02117а.

¹ См.: Чудинов А.В. «Русский принц» и француз-«цареубийца» (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998.

² Haltsonen S. Romme et son récit de voyage en Finlande // Mélanges de philologie et de linguistique offerts à Tauno Nurmela. Turku, 1967. P. 67–71.

³ Ромм Ж. Путешествие к Белому морю в 1784 году // Север. 2007. № 1–2. С. 176–192; Он же. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с рукописи, вст. ст. и прим. К.И. Раткевич. Л., 1941.

⁴ Правильно — либо 8/19, либо 7/18, так как разница между старым и новым стилями составляла тогда 11 дней.

вые заметки, описывающие отдельные отрезки маршрута: от Петербурга до Москвы и от Нижнего Новгорода до Казани⁵.

Когда-то все названные документы входили в личный архив Ромма, который у родственников бывшего революционера купил его первый биограф, овернский краевед М. де Виссак. В распоряжении этого исследователя имелись и, как мы увидим далее, другие материалы по данному путешествию, до нас, увы, не дошедшие. Правда, в своей книге⁶ он использовал лишь малую толику находившихся у него сокровищ и к тому же не делал подстрочных ссылок на источники. В конце XIX в. большую часть этих бумаг у него выкупил русский историк, великий князь Николай Михайлович, работавший над биографией П.А. Строганова⁷. После Октябрьской революции великий князь был расстрелян большевиками, а принадлежавшие ему бумаги Ромма разошлись по разным архивам Италии и России. Итальянская часть легла в основу фундаментального биографического исследования о Ромме, выполненного туринским историком А. Галанте-Гарроне⁸, российская до последнего времени изучалась довольно слабо. И только относительно недавно, в результате работы франко-российского коллектива исследователей над многотомным изданием бумаг Ромма⁹ все эти источники оказались сосредоточены в одних руках, что и позволяет мне предложить настоящую статью вниманию читателей.

Некоторые историографические недоразумения, связанные с первой поездкой Ромма по России, вызваны именно недоступностью в тот или иной момент для отечественных исследователей соответствующих документов.

О книге де Виссака, вышедшей во французской провинции небольшим тиражом, российский читатель смог узнать из публикации русского историка П.И. Бартенева, который опубликовал в 1887 г. пространную рецензию на нее, изложив в популярной форме и со своим комментарием основное ее содержание¹⁰. В приложении к рецензии Бартенов привел напечатанный в книге де Виссака указатель имевшихся у него рукописей Ромма. В 1923 г. известный литературовед В.П. Семенников обратил внимание на то, что среди упомянутых де Виссаком, а за ним и Бартеновым, бумаг Ромма значится рукопись под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», и предположил, что будущий якобинец имел копию одноименного произведения А.Н. Радищева еще до того, как то увидело свет¹¹. Проверить эту версию он не мог, так как доступа к соответствующей части архива Ромма не имел. В наши дни эта гипотеза Семенникова неоднократно опровергалась петербургским историком М.М. Сафоновым, который совершенно справедливо указывает: достаточно бросить взгляд на заметки Ромма, носившие такое название, чтобы убедиться в полном несходстве его текста с радищевским¹². Поскольку это сочинение Ромма хранится сейчас в РГАДА и вполне доступно, сегодня у исследователей, действительно, есть счастливая возможность взглянуть на него собственными глазами, которой в свое время не имели Бартенов и Семенников.

Вместе с тем, отдельные комментарии Сафонова к собственно содержанию указанных заметок Ромма представляются мне далеко не бесспорными, а именно — интерпретация высказываний француза в «Путешествии из Петербурга в Москву» о том, что русские крепостные находятся в лучшем положении, нежели французские свободные крестьяне:

⁵ См.: [Romme G.] Voyage de St. Pétersbourg à Moskou; [Idem.] De Nisnei Novgorod à Kasan au commencement du moi d'août 1781, par le Volga — Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1278 Строгановы. Оп. 3. Д. 19.

⁶ Vissac M. de. Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883.

⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Т. 1–3. СПб., 1903.

⁸ Galante Garrone A. Gilbert Romme. Storia di un rivoluzionario. Torino, 1959. Французское издание, исправленное и дополненное: Idem. Gilbert Romme: histoire d'un révolutionnaire. P., 1971.

⁹ Пока в свет вышел лишь первый том в двух частях. См.: Romme G. Correspondance / Éd. par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy et A. Tchoudinov. Clermont-Ferrand, 2006. Vol. 1. Т. 1–2.

¹⁰ Бартенов П.И. Жильбер Ромм (1750–1795). К истории русской образованности нового времени // Русский архив. 1887. № 1.

¹¹ Семенников В.П. Радищев. Очерки и исследования. Пг., 1923. С. 212.

¹² Сафонов М.М. Радищев и Ромм. (Конец одной легенды) // Россия — Франция. Век Просвещения (по материалам выставки в Париже и Ленинграде). Краткие тезисы докладов научной конференции 12–14 мая 1987 г. Л., 1987.

«Оценки Ромма озадачивали его биографов. <...> Однако никто не задавался вопросом, насколько оправданно отождествлять написанное Роммом с его внутренними убеждениями, без учета того, как, в каких обстоятельствах и с какими целями гувернеру пришлось высказываться о крепостничестве. Никто из ученых не соотносил высказывания Ромма с позицией его патрона А.С. Строганова в решении крестьянского вопроса. А в этом кроется ключ к верному пониманию его позиции. <...> Ученые не учитывали такого важного факта, что Ромм пересылал дневники путешествий Строганову-отцу и, следовательно, все оценки крепостного состояния предназначались для глаз русского вельможи и были тщательно согласованы со взглядами патрона. Невозможно поверить, чтобы Ромм был настолько ослеплен, что умудрился не заметить вопиющие факты крепостнического произвола в России. Конечно, в то время французский гувернер мало интересовался политическими вопросами, но даже простой наблюдательности пытливого ученого было достаточно для того, чтобы не пожелать Франции такого рабства, какое существовало в России. <...> Несомненно, речь должна идти не о глазе, а о перо французского гувернера. В данный момент оно выражало взгляды того круга, настроения которого Ромм, призванный служить ему, не мог не учитывать. А если это так, то мы должны признаться, что ничего не знаем о том, каково было действительное отношение Ромма к крепостному праву»¹³.

Столь «неуместные» для будущего революционера суждения петербургский историк объяснял тем, что «Ромм пересылал дневники путешествий Строганову-отцу», поскольку тот де «рассчитывал использовать его как эксперта по вопросам национального воспитания»¹⁴. Однако автор данной версии не приводит в ее доказательство ни единого факта. Между тем, в переписке А.С. Строганова и Ромма нет ни малейшего намека на подобное предназначение этих путевых заметок, которые, кстати, мы все же находим в личном архиве Ромма, а не в архиве предполагаемого адресата — Строганова.

И уж тем более, подобное предположение выглядит странным в связи с поездкой 1781 года, которую оба совершили бок о бок. Трудно себе вообразить, что Ромм по пути фиксировал те или иные бросавшиеся ему в глаза природные и исторические объекты лишь для того, чтобы потом ознакомить с этими беспорядочными записями графа Строганова, который вместе с ним проделал весь маршрут и видел то же самое собственными глазами. Ну и совсем уж невероятно, что Ромм стал бы на первой же странице своего «Путешествия из Петербурга в Москву» записывать «для графа» французский перевод русского слова «могилы» (*mogilles*). Хотя А.С. Строганов долгое время и прожил за границей, едва ли он нуждался для понимания смысла русских слов в услугах такого переводчика, как Ромм. Иначе говоря, подобные заметки француз мог вести исключительно для себя, заносив в них собственные путевые впечатления и не догадываясь, что когда-нибудь их сочтут «выражением взглядов» некоего круга лиц.

Мысль о том, что положение встреченных им в этом путешествии русских крестьян предпочтительнее положения тех селян, которых он наблюдал во Франции, Ромм, как мы увидим далее, повторит и в послании Дюбрелю. Хотя подобный тезис противоречит существующим в исторической литературе стереотипам (свидетельством чему служит только что отмеченная бурная реакция современного исследователя на слова Ромма), тем не менее, ситуацию, думаю, не стоит излишне драматизировать. Речь ведь идет всего лишь о сугубо индивидуальном опыте, каковой, разумеется, не может служить основанием для далеко идущих обобщений, хотя и подтверждает лишний раз то, что историческая реальность богаче любых стереотипов.

О том грустном впечатлении, которое произвело на Ромма во время его вояжа по окрестностям Парижа положение французских крестьян, мы можем судить по одному из

¹³ Сафонов М.М. Жильбер Ромм и Александр Радищев, или Два «Путешествия из Петербурга в Москву». С. 64–66; Он же. Читал ли якобинский вождь Радищева, или Конец одной легенды // Смена. 1995. 30 сентября; Он же. История одной рукописи: Радищев и Ромм // Русская литература. 2000. № 4. С. 87–94; Он же. Жильбер Ромм и Александр Радищев, или Два «Путешествия из Петербурга в Москву» // Великая Французская революция, империя Наполеона и Европа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Г. Ревуненкова. СПб., 2006. С. 63–66.

¹⁴ Сафонов М.М. Жильбер Ромм и Александр Радищев... С. 65.

посланий, написанных им еще до отъезда в Россию. Правда, тогда ситуация усугублялась стоявшей засухой:

«Во время небольшого путешествия во владения г-жи графини д'Арвиль в Ля Трусс и в Лизи-сюр-Урк, возле Мо, я мог убедиться, что все луга пересохли, и второго сенокоса провести не удастся. Деревья потеряли листву раньше, чем созрели фрукты. Повсюду распространились болезни, тем более опасные в деревне, что помощи там ждать не от кого, кроме как от невежественных врачей, коих следует бояться больше, чем самых жестоких недугов. Повсюду, мой дорогой друг, и у стен Версаля, и за сто лье от него с крестьянами обращаются столь варварски, что это переворачивает всю душу чувствительному человеку. Можно даже сказать с полным на то основанием, что здесь их тиранят больше, чем в отдаленных провинциях. Считается, что присутствие сеньора должно способствовать уменьшению их бедствий, что, увидев их несчастья, эти господа должны постараться помочь с теми справиться. Таково мнение всех, у кого благородное сердце, но не придворных. Они ищут развлечения в охоте с таким пылом, что готовы пожертвовать для этого всем на свете. Все окрестности Парижа превращены в охотничьи заповедники, из-за чего несчастным [крестьянам] запрещается выпалывать на своих полях сорняки, которые душат их хлеб. Им разве что разрешено бодрствовать ночи напролет, выгоняя из своих виноградников разоряющих их оленей, но не дозволено ударить никого из этих оленей. Работник, согбенный в рабской покорности, часто напрасно тратит свое время и умение, служа напудренным и вызолоченным идолам, которые безжалостно гонят его, если только он вздумает попросить плату за свой труд».

Однако после такой инвективы Ромм считает необходимым смягчить сказанное, подчеркивая, что его заключения отнюдь не носят абсолютного характера:

«Впрочем, такая черствость присуща отнюдь не всем сеньорам. Я не раз был свидетелем того, как тепло встречали некоторых из моих знакомых, когда они приезжали к своим вассалам. Радость и удовольствие выражались множеством самых разных способов. Доброта и благодетельность являются столь простыми достоинствами, дарующими столь чистые и столь подлинные радости, что трудно понять, почему они так редки!»¹⁵.

Судя по дневнику путешествия из Петербурга в Москву, похоже, что именно к таким добродетельным сеньорам Ромм относил и А.С. Строганова. Жизнь селян, которую гувернер имел возможность наблюдать в принадлежавших графу деревнях, очевидно, и в самом деле в лучшую сторону отличалась от вышеописанной картины быта крестьян в окрестностях Парижа:

«В тот же день мы приехали в Давыдково (Davidkova), небольшое поместье, принадлежащее графу. Положение здесь нам показалось замечательным: земля плодородна, воды чисты и обильны рыбой, жители счастливы и обожают хозяина. Появление графа стало для них праздником. Старики плакали от умиления и представляли ему своих сыновей и жен»¹⁶.

У нас нет никаких оснований подозревать Ромма в неискренности. Когда через три года, во время путешествия к Белому морю, он столкнется с совершенно иной ситуацией, то напишет о ней в своем путевом дневнике с той же откровенностью, как это делал во Франции:

«Один из нас пошел к крестьянину, который нанялся за 20 рублей в год на работу на рудниках. Его застали евшим хлеб из еловой коры и из соломы. Как могут жить на свои 20 рублей в год эти несчастные рабочие, которым запрещают заниматься земледелием, хотя для них уже нет работы на рудниках. Для них-то, стало быть, и существует самая сильная нужда. Звание "слуг ее величества" обрекает их на величайший голод! Крестьяне, не работающие на казну, платят в виде оброка на межевание и за рекрут от 6 до 7 рублей»¹⁷.

Вернемся, однако, к поездке по России, совершенной Роммом и его воспитанником в 1781 г. Путь от Петербурга до Москвы занял у них 9 дней — с 11 по 20 июля. Далее путешественники проследовали к Нижнему Новгороду. Описание Роммом этой части дороги, если таковое, конечно, существовало, до наших дней не дошло. А вот заметки о поездке по Волге от Нижнего до Казани, совершенной в «начале августа 1781 г.», в архиве Ромма сохранились и даже в двух

¹⁵ Ж. Ромм – Г. Дюбрелю, 15 сентября 1778 г. // Romme R. Correspondance. Vol. 1. T. 2. P. 443.

¹⁶ [Romme G.] Voyage de St. Pétersbourg à Moskou. Л. 50б.

¹⁷ Ромм Ж. Путешествие к Белому морю в 1784 году. С. 183.

экземплярах, причем оба написаны его рукою. Хотя тексты по содержанию близки друг другу, однако не идентичны. Похоже, переписывая первоначальный вариант, Ромм его отредактировал и существенно дополнил. Впрочем, содержание обеих копий в своей главной части еще менее систематизировано, чем записок о путешествии из Петербурга в Москву. В основном Ромм перечисляет населенные пункты по правому и левому берегам Волги, указывая расстояние между ними в верстах. Любопытно, что почти все географические наименования, так же, как и некоторые другие слова и словосочетания, он пишет печатными буквами по-русски — наглядное свидетельство прогресса в изучении языка. Этот перечень населенных пунктов время от времени дополняется краткими замечаниями о геологических особенностях ландшафта и растительного мира той или иной местности. Фрагменты же, имеющие этнографическое или историческое значение, лаконичны и немногочисленны:

«Подноска остров 5 в[ерст]. от города [Нижнего Новгорода]. Здесь выращивают все виды овощей, но жителей нет. Русские, которые всегда строго блюдают предписанные церковью перед большими праздниками посты, хотя обычным нормам порядочности следуют отнюдь не столь часто, готовят [в пост] напиток и похлебку из обжаренной муки. Для изготовления напитка надо лишь разболтать такую муку в большом количестве воды, после чего это сразу можно пить. Брожение подобного напитка дает так называемый *квас*. Из той же самой муки, воды, соли и льняного масла готовят похлебку, которую едят, не варя. Ее называют *толокно*. Иногда туда кладут красные ягоды, коими весьма изобилуют леса по берегам Волги. Несколько раз добавляли уксус и несколько раз молоко, хотя в таком случае это совсем не постно. Я ел толокно. Оно, по-моему, хорошо для людей с отменным аппетитом. Я нашел его очень сытным»¹⁸.

«Чебоксар — город в 40 в[ерстах] от Кузмодемьянска и в 100 от Казани. Этот город, имеющий татарское название, — крупный центр торговли зерном, которое доставляется от чувашей и черемисов, продающих его по очень низкой цене. Возле него есть небольшая речушка Чебоксарская река»¹⁹.

«Масло остров 10 в[ерст] от Илинсок [Ильинского]. Остров прежде Масло направо. Здесь Волга меняет свое русло, нанося песок на правый берег и подмывая левый. Время от времени на берегу видны лачуги чувашей — дикого народа, данника России. Он начинается почти напротив Илинска»²⁰.

И только в своей завершающей части — при описании Казани — ранее хаотичные заметки Ромма приобретают характер вполне связного рассказа:

«Протяженность реки Казанка около 200 верст. Вода в ней мутная и плохая. Пройти вверх можно только на баркасе, для барок слишком мелко. Устье ее находится в 7–10 верстах от Казани. Весной Волга более чем на 4 сажени покрывает равнину, отделяющую ее от города, который, будучи расположен на нескольких небольших холмах, не терпит от такого наводнения никакого ущерба. В это время ширина Волги достигает 9 верст.

Пугачев сжег несколько кварталов, но все уже восстановлено, и город стал краше прежнего. Императрица выделила городу 250 тыс. рублей для создания ссудной кассы, в которой каждый индивид, желающий строить, может легко взять заем. Власти выделяют место под строительство и дают беспроцентную ссуду на 10 лет, позволяя ежегодно гасить по 1/10 части долга. Частные дома должны вписываться в общую линию улиц, которые в заново отстроенной части совсем прямые. Кирпич стоит 2½ рубля за тысячу, и кирпичный дом оказывается не дороже деревянного, но гораздо выгодней в плане пожароустойчивости. Проезжая, мы насчитали четыре большие улицы, застроенные кирпичными домами. Все остальные уже готовые кварталы имеют линейное расположение, но дома в них из дерева. Участок земли перед каждым домом, кое-где занятый газоном или посадками небольших деревьев, придает им простой и приятный вид. В центре города находится рынок, окруженный лавками, удачно расположенными и изобилующими товарами. Здесь можно понять, сколь многочисленно местное население.

¹⁸ [Romme G.] De Nisnei Novgorod à Kasan au commencement du moi d'août 1781, par le Volga. Л. 12. Курсивом обозначены слова, написанные Роммом по-русски.

¹⁹ Там же. Л. 9.

²⁰ Там же. Л. 13.

Для ремонта стен цитадели используется труд каторжников, бесконечно идущих через Казань в Сибирь, где они осуждены работать в рудниках. Губернатор Казани задерживает здесь каждую партию каторжников до прибытия следующей. Большинство из этих несчастных подвергались бичеванию кнутом за тяжкие преступления. Эти мужчины и женщины работают и на власти, и на частных лиц, но под надзором нескольких солдат. Снаружи к цитадели пристроена тюрьма, однако пребывание в ней слишком тягостно для каторжников, чтобы они не предпочли ему работу в городе. Такой способ использования этих несчастных великолепен. Можно было бы с удовольствием смотреть, как их преступные руки, занимаясь полезным трудом, искупают свои прегрешения, если бы не докучал постоянный звон кандалов, коими отягощены ноги [заключенных]. Сие придает их конвоям варварский и отталкивающий вид, хотя подобная манера обращаться с ними [каторжниками] гораздо менее варварская и более полезная, чем заточать этих несчастных в сырых, темных и губительных для здоровья темницах, чем, удалив их с глаз властей, с гораздо большей вероятностью подвергнуть тысячам страданий. Всего их насчитывается три сотни.

Еще в цитадели можно увидеть мечеть бывших царей (rois) Казани, а также их дворец из двух зданий в очень хорошей сохранности, архитектура которых проста и привлекательна. Возле цитадели, со стороны построек, возводимых для администрации, при земляных работах обнаружили некое круглое пространство, земля внутри которого очень рыхлая и, похоже, была набросана сюда, чтобы засыпать яму. Предполагается провести здесь раскопки, чтобы выяснить, что представляло собою сие отверстие. С этой точки открывается отличный вид, она доминирует над городом и над значительной частью окружающей местности.

Гимназия обустроена не так хорошо, как хотелось бы. Наиболее высокое жалованье составляет в ней 200 рублей, а есть и 60. В интересах самих жителей увеличить бюджет этой школы, имеющей столь благородное предназначение. Каждый может отправить туда своих детей. Татарский язык является одним из преподаваемых предметов. Те 250 тыс. рублей, что составляют капитал ссудной кассы, используются не полностью. Вместо того чтобы лежать без дела, не могут ли они быть потрачены на гимназию? Подсчитано, что дом размером 13 x 8 сажень стоит не более 3 тыс. рублей, что очень немного.

Татары в этом городе занимают отдельный квартал, где могут свободно отправлять свой культ. У них есть несколько мечетей. Мы дважды присутствовали на их вечерней молитве, которая начинается лишь после захода солнца. Верующие в Магомета приглашаются на молитву имамом, который поднимается на самую высокую часть минарета и оттуда поет несколько священных гимнов. Мы вошли вместе с мусульманами в самую старую мечеть квартала, имеющую в силу этого право начинать молитву первой. Каждый мусульманин оставляет свои туфли на паперти. Мы этого не сделали и были не правы. С нами находились генерал-губернатор, губернатор, вице-губернатор и главные должностные лица города. Мечеть, в которую мы, миновав паперть, вошли через дверь, обращенную на восток, представляет собою квадратное помещение, освещаемое через окна — четыре с севера и четыре с юга. В восточной части находится трибуна, поддерживаемая колоннами. Здесь располагаются певчие. Напротив, стало быть в западной стене, находятся два окна и запертая дверь. Пол покрыт ковром. Стены совершенно голые и не имеют никаких характерных для этого места особенностей, кроме нескольких связок четок, висящих в разных местах по стене со стороны входа. Имам опускается на колени, садясь себе на пятки, лицом к этой запертой двери. Все мусульмане размещаются позади него несколькими тесными рядами. Имам произносит несколько молитв с разными модуляциями голоса, что походит на весьма монотонное пение. Принимаемые им различные позы повторяются всей мечетью. Можно видеть, как они все вместе касаются лбом пола, простираясь во весь рост, потом садятся на пятки, руки соединены, голова опущена. В следующий раз они все вместе поворачивают головы на север, потом на юг, или делают вид, что читают в своих руках, а затем прикладывают те к своим ушам, к лицу, после чего в беспорядке рассеиваются по всему залу и каждый, похоже, мысленно повторяет молитву, воспроизводя те же позы по своему усмотрению. Порядок, глубокая тишина и почтительность, которые соблюдаются ими в этом месте молитвы и от которых их здесь ничто не отвлекает, имеют в себе нечто величественное и

возвышенное. Проникаешься уважением к людям, чья религия отличается от других лишь некоторыми обрядами и некоторыми [неразб.], подобно большинству наших, которые все предназначены для выражения чувств почтения и смирения, столь же переполняющих христианина, как и мусульманина, перса, как и инка, при поклонении Богу, единому для всех наций. Все его признают, все его почитают, но каждый на свой манер, так же, как каждый приветствует соседа или господина, но одевается и ест по-своему. Различие между религиями столь же естественно для людей, как и различие одежд и языков, но [выражаемые ими] чувства столь же схожи, как каждому разумному существу присущ человеческий облик. Молитва была короткой, и все молча разошлись.

Во второй раз я побывал там с моим учеником, но уже без г-на графа Строганова или кого-либо из видных людей города. Мы проявили там такую же любознательность и так же соблюдали тишину, как и ранее. Однако теперь мы предстали без внешних проявлений величия и могущества, и то, что польстило мусульманам в первый раз, не вызвав с их стороны никакого ропота, во второй было сочтено непочтительностью. После молитвы ко мне подошел старик и попенял мне, сначала мягко, а потом, видя, что я не могу ответить ему по-русски, с раздражением, на то, что я не оставил свою обувь при входе в мечеть и что теперь они все оказались осквернены нашим дерзким поступком и вынуждены будут совершить омовение, прежде чем вернуться в это святое для них место. Признаюсь, я был весьма огорчен тем, что обидел этих почтенных людей, поклоняющихся тому же Богу, что и я»²¹.

После Казани путешественники отправились на восток, но куда именно и как далеко — об этом в исторической литературе высказывались самые разные суждения.

Начало недоразумениям положил де Виссак, посвятивший путешествиям Ромма по России целую главу, которая начинается с сообщения о том, что конечной целью первого путешествия Ромма и его ученика была «азиатская Сибирь, родовое гнездо Строгановых»²². Собственно говоря, уже здесь у человека, знакомого с географией России, термин «азиатская Сибирь» не может не вызвать недоумения, поскольку, как известно, никакой другой Сибири — «европейской», например — не существует, а значит, подобное уточнение лишено смысла. Впрочем, далее мы увидим, что представления французов XVIII века о границах Сибири были столь же широкими, сколь и неопределенными, а потому не будем предъявлять излишне строгих претензий к овернскому историку, тем более что уже в следующем своем пассаже он сообщит нам еще более удивительные вещи: «Это было восхитительное намерение — заниматься наблюдениями и исследованиями в таком путешествии от берегов Балтийского моря к Уральским горам, от Камчатского залива и Скандинавского полуострова до реки Амур, граничащей с Китаем»²³. Увы, попытка перенести подобный маршрут на карту обречена на провал: если мы без труда можем провести линию от Балтики до Урала, то совместить Камчатский залив со Скандинавским полуостровом в качестве исходной точки движения к Амуру едва ли проще, чем вывести знаменитую квадратуру круга.

Любопытно, что описание де Виссаком самого путешествия столь же явно делится на две части: от Балтики до Урала и, скажем так, все остальное. Первая — рассказ о поездке к Уралу — выглядит вполне реалистичным и содержит упоминания о конкретных деталях, имеющих более или менее точную топографическую привязку. Ссылаясь на письма Ромма к его приятельнице мадемуазель А. Доде, которая служила компаньонкой у графини Строгановой, де Виссак сообщает, что ее корреспондент описывал вишневые деревья города Владимира, берега Оки, покрытые цветущим шиповником и вероникой, богатые рыбой воды реки «Санша» (la Sancha). Последнюю мне идентифицировать не удалось. Ромм более чем свободно транскрибировал географические названия, особенно, записанные со слуха. К тому же, де Виссак мог допустить ошибку в расшифровке далеко не самого разборчивого почерка своего героя, тем более что само название русской реки этому историку едва ли что-то говорило. Возможно, речь идет о реке Какша, впадающей в Ветлугу.

²¹ [Romme G.] De Nisnei Novgorod à Kasan au commencement du moi d'août 1781, par le Volga. JI. 14–16об.

²² Vissac M. de. Op. cit. P. 81.

²³ Ibid.

Далее де Виссак сообщает, что путешественники «вскоре» прибыли в село Ильинское (Ilinski-Célo), центр владений Строгановых на берегах Камы и Чусовой. Потом посетили Кунгур (Kankor)²⁴. На этом конкретика в повествовании де Виссака заканчивается. Вторая часть рассказа овернского историка о «пути» его героя по своей красочности напоминает «Путешествие Синдбада-морехода», дополненное для придания некоторой реалистичности рядом географических названий с крупномасштабной карты восточного полушария, которые, кстати, на сей раз воспроизведены безупречно:

«От Уральских гор, где изобилуют аметисты, топазы, турмалины, гранаты, бериллы, халцедоны, ониксы, яшма, агаты, асбест и циркон, до Алтая, где расположены месторождения золота, при следовании через тот обширный регион, по одну сторону которого — Россия и Европа, по другую — Маньчжурия, Монголия и Татария, от Оби до Лены, от Енисея до вод Амура, от Байкала до соляных озер все — от мельчайшего из четвероногих, землеройки, до крупнейшего из них, ископаемого мамонта, от соболей, горностаев и голубых песцов до бобров и самых маленьких водоплавающих — все служило обучению и наставлению — наставлению, почерпнутому в великой книге природы, в той школе, где великим учителем и высочайшим воспитателем выступал Создатель»²⁵.

Ни одного конкретного факта, свидетельствующего о том, что путешественники пересекли Уральские горы и побывали собственно в Сибири, де Виссак не привел. Неудивительно, что у российских историков, гораздо лучше овернского краеведа представлявших себе географические реалии своей страны, его рассказ доверия не вызвал. Уже Бартенев, анализируя книгу де Виссака, скептически заметил: «По уверению Роммова биографа они доезжали до Алтая и Байкальского озера (в чем позволительно сомневаться)...»²⁶. Великий князь Николай Михайлович и советская исследовательница К.И. Раткевич, знакомые с материалами личного архива Ромма, также ни словом не обмолвились о каком-либо «путешествии в Сибирь»²⁷. Западноевропейские же историки приняли на веру высокопарную риторику де Виссака, в результате чего утверждение о совершенном Роммом путешествии в Сибирь стало общим местом соответствующей историографии. Оно попало «рикошетом» даже в работу А. Галанте-Гарроне²⁸, хотя никаких фактов, подкреплявших данный тезис, он не привел. Еще один овернский краевед, занимавшийся биографией Ромма, Р. Бускейроль, подобно де Виссаку, «отправил» Ромма на Байкал²⁹.

Так куда же все-таки поехал Ромм из Казани? Единственный известный на сегодня источник, из которого мы можем что-либо узнать об этом путешествии, — фрагмент письма самого Ромма Г. Дюбрелю, которое автор датировал 8/18 декабря 1781 г.:

«И вот я, наконец, вернулся к вам, мои дорогие друзья. Я могу написать вам после шести месяцев молчания, которые были заняты долгим и трудным путешествием, когда я мог только думать о вас, не питая надежды сообщить вам свои новости или узнать ваши. <...>

Возвращаясь в Петербург, я ожидал найти здесь несколько писем из Оверни, но не нашел ни одного. Вы осудили меня на забвение. Я так же далек от вас, как тогда, когда находился у ворот Азии, в этой Сибири, столь опороченной молвой, столь дикой, столь бесплодной, как считают наши французы, и столь достойной быть местом ссылки для всех злодеев империи. В изображении всех писателей она являет собою самую ужасную и самую печальную картину из всех известных на свете. Однако мы же нашли ее совершенно иной. Сибирь богата лесами в тех частях, где бедна людьми, но везде, не считая того, что находится выше 56–60° северной широты, почва исключительно плодородна и хорошо возделана повсюду, где для этого есть руки. А

²⁴ Ibid. P. 82.

²⁵ Ibid. P. 83.

²⁶ Бартенев П.И. Указ. соч. С. 17.

²⁷ Великий князь упомянул поездки Ромма «из Москвы в Нижний, из Нижнего Новгорода в Казань, из Петербурга в Выборг и на Иматру» и о путешествии в Крым; К.И. Раткевич — о путешествиях в Нижний Новгород (1781), к Белому морю (1784) и в Крым (1784). См.: Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Т. 1.; Раткевич К.И. К биографии Жильбера Ромма (его рукописное наследство в архивах СССР) // Ученые записки ЛГУ. Л., 1940. № 52. Серия исторические науки. Вып. 6. С. 268.

²⁸ Galante Garrone A. Op cit. P. 108.

²⁹ См.: Bouscarol R. Les lettres de Miette Tailhand-Romme. Clermont-Ferrand, 1979. P. 167 note 41.

там, где она не обрабатывается, о ее плодородии свидетельствуют великолепные леса и растущие диким образом замечательные плоды, большинство из которых в нашем климате не известны. Мы видели дягиль высотой 7–8 футов, хмель, поднимающийся до самых высоких вершин деревьев, ягоды черной смородины величиной с лесной орех и т.д. на земле, которую никогда не бороздило железо. Реки удивляют своей шириной, красотой и густой порослью берегов, которые они, как Нил в Египте, удобряют во время ежегодных разливов. Обширные луга, после того, как пять месяцев были покрыты снегом и один месяц водой, остальную часть года представляют собою самые тучные и изобильные пастбища, где жители оставляют свою скотину пастись на просторе, ограниченном только естественными преградами и согласием местных обитателей. Зима здесь долгая, но это время года отнюдь не является неприятным. Никогда воздух не бывает более чист и свеж. Это — время охоты для тех, кто ее любит, либо путешествий и завоза купцами припасов; все становится одной большой дорогой, и хотя природа спит, никогда человек не бывает более активен. Ледяной покров толщиной около 2–3 футов позволяет проехать в любое место; сообщение удобно и не столь дорого.

Крестьянин считается рабом, поскольку господин может его продать, обменять по своему усмотрению, но в целом их рабство предпочтительнее той свободы, коей пользуются наши земледельцы. Здесь каждый имеет земли больше, чем может обработать. Русский крестьянин, далекий от городской жизни, трудолюбив, весьма смекалист, гостеприимен, человечен и, как правило, живет в достатке. Когда он завершит заготовку на зиму всего необходимого для себя и своей скотины, он предается отдыху в избе (*isba*), если не приписан к какой-либо фабрике, каковых в этой области много, благодаря богатым рудникам, или если не отправляется в путешествие по своим делам или по делам господина. Если бы здесь были лучше известны ремесла, у крестьян было бы меньше времени для досуга в тот период, когда они не заняты сельским трудом. И господин, и раб получили бы себе от этого пользу, но ни те, ни другие не умеют рассчитывать свою выгоду, поскольку еще недостаточно прочувствовали необходимость ремесел. Здесь царит простота нравов и довольный вид никогда бы не покидал людей, если бы мелкие чинуши или крупные собственники не проявляли жадности и рвачества. Малочисленное население области во многом является причиной изобилия всего, что необходимо для жизни. Продовольствие стоит так дешево, что, получая два луидора, крестьянин живет весьма зажиточно. Можно видеть много детей, но до взрослого возраста доживают немногие из них. Высокую смертность вызывают оспа и привычка тесниться зимой в маленьких, низких, чрезмерно отапливаемых и почти герметично закрытых домах, что вызывает болезни, нередко весьма губительные. Прививки и чуть больше внимания к проветриванию изб позволили бы предотвратить многие несчастья и умножить население, когда-то весьма многочисленное в этих областях, где ранее обитали даки, иллирийцы, скифы, которых Дарий во главе 500 тыс. персов и Александр с 30 тыс. столь же храбрых греков [текст поврежден] завоевать. Земля сильно изменилась. Горсть людей [текст поврежден] без труда покоряет теперь потомков тех, кто так хорошо умел заставить самые могучие нации уважать себя.

Мы видели и с огромным удовольствием изучали небольшой народ <...> Народ невежественный, но мудрый своими нравами и своей простотой, аналога которой больше нигде не существует. Живя в полном единении, не зная ни судебных тяжб, ни споров, гостеприимные к иностранцам и помогающие друг другу в необходимом, они не знают ни тревог, ни бедности, ни проблем, связанных с излишествами. Религия у них не греческая, не римская, не магометанство, не иудаизм. Простое жертвоприношение нескольких [неразб.] хлеба и меда, одну долю которых бросают в огонь, а остальное распределяют между присутствующими, свершающими вместе братскую трапезу после того, как возблагодарят за благодеяния Создателя природы и отдадут ему должное собранными плодами»³⁰.

Это описание наглядно демонстрирует нам руссоистские убеждения Ромма с характерным для них культом природы и простоты не испорченных цивилизацией нравов, однако оно мало что говорит нам о географии его путешествия. Правда, Ромм дважды упоминает здесь

³⁰ Ж. Ромм — Г. Дюбрелю от 8/18 (sic!) декабря 1781 г. Museo del Risorgimento di Milano. Fonds Romme. Carton 1. D. 13.

«Сибирь», однако отсюда еще отнюдь не следует, что он действительно побывал в той части России, которую мы сегодня именуем тем же топонимом.

В XVIII в. представления французов о том, что следует называть Сибирью, были достаточно расплывчатыми. Это видно хотя бы по приобретенной широкою и во многом скандальную известность книге «Путешествие в Сибирь», изданной в 1768 г. аббатом Ж. Шаппом д'Отрошем (в литературе встречается также транскрипция его фамилии как «д'Отерош»). Казалось бы, уж кто-кто, а этот французский астроном, добравшийся в 1761 г. до Тобольска, чтобы наблюдать прохождение Венеры по диску Солнца, должен был иметь более или менее четкое представление о том крае, где он побывал. Однако в его сочинении понятие «Сибирь» встречается в разных значениях. Так, в исторической справке о Тобольске он употребляет этот топоним в смысле близком к современному, сообщая, что Уральские горы, которые он называет «Пояс Земной», отделяют Россию (мы бы сегодня сказали «европейскую часть России») от Сибири³¹. В записках же о собственном путешествии он придает термину намного более широкий смысл. Рассказывая о том, как неподалеку от «Клинова» (Хлынова, то есть Вятки), он потерял проводящих, Шапп восклицает: «Легко себе представить, каково было мое положение: затерянный во тьме ночной, в тысяче четырехстах лье от своей родины, среди снегов и льдов Сибири...» и т.д.³². Поволжские народы — вотяки (удмурты), черемисы (марийцы), чувашаи и татары — живут, по его словам, «у западных границ Сибири»³³. Екатеринбург «являет собой средоточие всего горнорудного и железоплавильного дела Сибири»³⁴. Иначе говоря, Шапп включает в «Сибирь» не только Зауралье, но и Урал, и даже Предуралье.

Другой француз, П.И. Жам³⁵, хороший знакомый Ромма, подробно рассказывал тому в одном из своих писем о «поездке в Сибирь», совершенной им летом-осенью 1784 г. вместе с графом А.К. Разумовским, у которого Жам служил гувернером. На самом же деле, путешественники добрались лишь до Уфы³⁶.

Причиной подобной путаницы в использовании французами термина «Сибирь» было, думаю, не только действительно слабое знание ими географии восточных областей России, но отчасти и практика применения данного топонима в XVIII в. самими русскими. В этом столетии, наряду с географическим понятием «Сибирь», обозначавшим азиатскую часть Российской империи к востоку от Уральских гор, существовало также административное понятие «Сибирская губерния», появившееся в 1708 г. после введения Петром I нового административного деления государства. Территории, обозначаемые этими двумя понятиями, не совпадали: губерния помимо, собственно географической Сибири, включала в себя также ряд сопредельных областей Европейской России, в частности, туда входили и Вятка, и Пермь, и Кунгур. И хотя уже в 1720-е годы западная административная граница Сибирской губернии отодвинулась на восток, сблизившись с географической, те или иные сведения о временах, когда административная «Сибирь» начиналась немногим восточнее Волги, вполне могли дойти до наших французских путешественников, что едва ли сделало для них смысл данного топонима более ясным. А потому, приезжая в Вятку, которая с 1727 г. к Сибирской губернии не принадлежала, или в Уфу, которая и вовсе в нее никогда не входила, соответственно Шапп д'Отрош и Жам полагали, что уже находятся в знаменитой «Сибири». Поэтому вполне возможно, что та «Сибирь», о путешествии в которую пишет Ромм, на самом деле находилась где-то в окрестностях Кунгура. Ведь этот город, который, по словам М. де Виссака, он посетил, тоже до 1727 г. входил в Сибирскую губернию.

А мог ли Ромм побывать еще и в «настоящей» Сибири, пусть если не у Байкала, то хотя бы в окрестностях Тобольска? Однозначно ответить на данный вопрос имеющиеся у нас источни-

³¹ См.: Шапп д'Отрош Ж. Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году // Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отроша / Пер. с фр. О. Павловской. М., 2005. С. 138. Ср.: Там же. С. 170.

³² Там же. С. 83.

³³ Там же. С. 171.

³⁴ Там же. С. 211.

³⁵ О нем см.: Чудинов А.В. Обычные и необыкновенные приключения французского гувернера в России XVIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003.

³⁶ См.: П.И. Жам — Ж. Ромму, 17 марта 1785 г. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 274. Л. 45–50.

ки не позволяют. Возможно, когда будут найдены — в московском ли фонде Строгановых или в пермских архивах — новые документы об этой поездке, мое предположение будет опровергнуто, но пока же отрицательный ответ мне представляется более вероятным, нежели положительный. В пользу этого говорят простые подсчеты. Путешествие, по свидетельству Ромма, продолжалось 6 месяцев: действительно, 11/22 июля они выехали из Петербурга в Москву, а 7/18 или 8/19 декабря Ромм уже писал из Петербурга отчет друзьям о своих странствиях. И хотя этот срок, на первый взгляд, кажется вполне достаточным, чтобы добраться до самых отдаленных уголков страны, в действительности же его надо делить примерно пополам, так как в него входит время и на обратный путь. Итого, три месяца, чтобы добраться до намеченной цели. Последняя известная нам хронологическая веха этого пути — «начало августа» — приводится в дневнике путешествия из Нижнего Новгорода до Казани. Стало быть, путь до Казани занял примерно месяц. Оставалось еще два, но и дорога впереди была гораздо труднее.

В свое время Шапп, боясь опоздать на прохождение Венеры, гнал лошадей дни напролет, ел и спал в санях и сумел добраться от Петербурга до Тобольска всего за месяц — скорость по тем временам едва ли не рекордная, чему во многом способствовало зимнее время года, когда, по замечанию Ромма, «все становится одной большой дорогой». Но и у аббата $\frac{2}{3}$ времени занял путь после переправы через Волгу.

Наши же путешественники не спешили так, как Шапп, не изнуряли себя ночлегом в санях (все-таки Павел Строганов был еще 9-летним ребенком) и не жалели времени на ознакомление со встречавшимися по пути достопримечательностями, а потому и ехали в три раза медленнее: если Шапп домчался от Петербурга до Волги за 10 дней, то у Строгановых и Ромма, как мы видели, на это ушел месяц. Если же они, подобно Шаппу, сразу от Волги поехали бы в Сибирь, то при таком соотношении скоростей, у них на это ушло бы практически все оставшееся до возвращения время. Однако их путь лежал не в Тобольск, а в село Ильинское, находящееся в окрестностях Перми. Здесь А.С. Строганов «вместе с супругой и сыном принял участие в торжественной церемонии учреждения наместничества 18 октября 1781 г.»³⁷. Если же состоялась еще и поездка в Кунгур, то времени на путешествие куда-либо за пределы пермских владений Строгановых у них, скорей всего, уже просто не осталось. Пора было возвращаться, тем более что наступала осенняя распутица. Таким образом, вероятность посещения Роммом даже прилегающих к Уралу территорий «настоящей» Сибири, на мой взгляд, не слишком велика, а уж его путешествие к Байкалу и вовсе следует отнести на счет фантазии М. де Виссака, если, конечно, тот сам не стал жертвой невольного заблуждения, приняв сделанные Роммом выписки из какой-либо книги по географии за его путевой дневник.

L'annotation

La biographie de Gilbert Romme (1750–1795), d'un conventionnel éminent de l'époque de la Révolution française, attira l'attention des historiens nombreux, mais beaucoup de ses aspects restent toujours obscurs. En particulier, l'un d'eux est le voyage russe de Romme en 1781 dont tous les auteurs français décrivent comme celui «en Sibérie». En ayant analysé tous les sources correspondantes à ce voyage et conservées aux archives russes, françaises, italiennes, Alexandre Tchoudinov démontre en détail le vrai trajet de Romme à partir de Saint-Pétersbourg jusqu'au Oural.

³⁷ Шустов С.Г. Строгановы и создание пермского наместничества // <http://archive.perm.ru/page.php?id=194>